

Изначально Тан Шэнь и планировал взять Лу Шэня с собой в Ляо — чтобы тот защищал его в пути и выполнял опасные поручения. Император отправил его не просто ради охраны, а с целью сделать из Лу Шэня шпиона, который будет собирать сведения в Ляо. Вот только Лу Шэню вполне хватало отваги, но явно не хватало ума, к тому же он давно питал предубеждение против гражданских чиновников. Если Тан Шэнь действительно собирался им воспользоваться, это могло вызвать немало неудобств.

Кто бы мог подумать, что на этот раз Тан Шэню стоит лишь замолвить пару слов, как Лу Шэнь тут же проникнется готовностью отдать жизнь, коренным образом изменит свое отношение и будет выглядеть так, словно рад пройти сквозь огонь и воду, служа верой и правдой до последнего вздоха.

По сравнению со старыми тысячелетними лисами из Шэнцзиня военачальники в Ючжоу казались просто невероятно милыми!

На следующий день Тан Шэнь прибыл в Резиденцию Фельдмаршала Запада, чтобы нанести визит Ли Цзиндэ.

Ли Цзиндэ не оказалось дома. Прождав около получаса, Тан Шэнь увидел, как генерал Ли в полных доспехах широким шагом входит в резиденцию. Заметив Тан Шэня, тот сразу же заговорил:

— Тан Шэнь, я слышал, ты вчера на пиру у градоначальника Ючжоу Цзи Чжаосы в пух и прах рассорился с этим Су Вэньюнем, сошелся с ним грудь с грудью и расстался на дурной ноте?

Первой мыслью Тан Шэня было: оказывается, генерал Ли способен произнести два чэньюна на одном дыхании?

Тан Шэнь вздохнул и ответил:

— Действительно так. Не думал, что о столь постыдном деле узнает даже генерал Ли. Хорошие дела не выходят за порог, а дурные вести разлетаются на тысячу ли.

Ли Цзиндэ махнул рукой:

— Эй, да о чем ты, мало кто об этом знает. Но город Ючжоу — моя территория! Какое движение ветра или травы скроется от пронизательного взора генерала? Ну так что, какую еще подлость совершил Су Вэньюнь? Выкладывай, все равно он сейчас в Ючжоу, я за тебя отыграюсь и вымещу на нем злобу.

Тан Шэнь сложил руки в приветствии:

— Благодарю, генерал Ли, но это лишь пустяки, не стоит вам беспокоиться.

Тан Шэнь не стал вдаваться в подробности, и Ли Цзиндэ больше не расспрашивал. Фельдмаршал Запада каждый день был занят обучением войск и противостоянием Ляо, свободного времени у него не водилось. Разве мог он на самом деле целыми днями просиживать без дела, мстя Су Вэньюню и вымещая злобу ради Тан Шэня? Ли Цзиндэ обронил эти слова к слову, а раз Тан Шэнь не принял предложение, тот и не настаивал.

— Ты сегодня пришел по делу?

Тан Шэнь ненадолго замолк, а затем произнес:

— Действительно есть дело.

С этими словами Тан Шэнь поднялся, подошел к Ли Цзиндэ и уже собрался согнуться в глубоком поклоне. Ли Цзиндэ поспешно подхватил его:

— Господин Тан, к чему это? Этак не годится! Такой поклон совершают лишь перед Небом, Землей, государем и учителем — при чем тут я? Не думай, что раз я военный, то ничего в этом не смыслю. Что за дело, так и говори.

Тан Шэнь сказал:

— Раз уж генерал заговорил напрямик, подчиненный тоже не станет ничего утаивать. Сегодня я пришел, чтобы попросить у генерала в пользование его верительную бирку.

Круглые глаза Ли Цзиндэ сузились, он молча уставился на Тан Шэня. За несколько месяцев с момента возвращения в Ючжоу его мужественное, но грубоватое лицо успело обрасти густой бородой, закрывавшей почти всю нижнюю половину челюсти. Никто не мог прочесть по этому заросшему лицу, о чем он думает. Возможно, Ли Цзиндэ был далеко не так глуп и безрассуден, как казалось окружающим.

Спустя долгое время Ли Цзиндэ спросил:

— Срочно понадобилась?

Тан Шэнь:

— Чтобы предотвратить возможные беды.

Ли Цзиндэ расхохотался:

— Хорошо, я понял. В конце прошлого года в Шэнцзине ты не раз приходил мне на помощь. Нынче это всего лишь верительная бирка — пустяк, не стоящий упоминания. Тан Шэнь, иди за мной.

Тан Шэнь последовал за Ли Цзиндэ и вошел в его кабинет.

В кабинете генерала Ли тоже стояло несколько больших книжных шкафов, уставленных книгами. Однако Тан Шэнь, бегло окинув их взглядом, заметил, что среди них были «Четверокнижие и Пятикнижие», и даже детские учебники для начинающих — «Канон трех иероглифов» и «Тысячесловие». Каждая книга выглядела новенькой и гладкой, будто к ней едва прикасались, стоя исключительно для видимости.

Ли Цзиндэ достал жетон Фельдмаршала Запада и вручил его Тан Шэню.

— Эта верительная бирка не позволит поднять тысячи воинов, однако в Ючжоу с ней ты сможешь ходить где угодно, словно по ровной дороге.

Тан Шэнь сложил руки:

— Благодарю, генерал Ли. Максимум через полмесяца ваш подчиненный вернет её в целости и сохранности.

Ли Цзиндэ громко засмеялся:

— Не нужно, не нужно! Подумаешь, верительная бирка. Потеряешь — я изготовлю новую, совсем другую, и просто скажу всем ориентироваться на новый вид. А если потеряешь, я хотя бы смогу выплеснуть злость на этого Ван Цзыфэна! Твой старший соученик — тот еще мерзавец! И не думай, будто я только в Ючжоу такой смелый: даже если приеду в Шэнцзин и встану перед его лицом, я, чёрт возьми, повторю то же самое! Этот дрянной Приказ серебряных ассигнаций со своими непонятными серебряными обязательствами довел лагерь Ючжоу до бедственного положения!

Тан Шэнь: «...»

Фразеологизм «довести народ до бедственного положения» вообще-то используется не так.

Ли Цзиндэ высказал еще пару колкостей в адрес Ван Чжэня, но Тан Шэнь, приняв от него одолжение, не мог спорить. К счастью, сказав лишь несколько слов, генерал Ли переключился на Су Вэньюня. Ван Чжэнь вел себя настолько безупречно и осмотрительно, что комар костей не подточит, поэтому сколько бы Ли Цзиндэ его ни бранил, он мог лишь обзывать того коварным да ругать Приказ серебряных ассигнаций за созданные хлопоты.

Зато ругая Су Вэньюня, Ли Цзиндэ словно плотину прорвал — выражений у него находилось в избытке.

— ...Да что ты, я и сам не перевариваю этого белолицего. Пару лет назад, когда я возвращался в Шэнцзин, он как раз стал заместителем главы Судебного приказа. С одним солдатом из Ючжоу случилось дело, которое передали на рассмотрение в Судебный приказ. Чёрт возьми, этот щеголь оказался до того жесток! Прямо на моих глазах замучил моего бойца так, что у того еле душа в теле держалась! С тех пор я и запомнил эти три иероглифа — «Су Вэньюнь». Не недооценивай его: на вид он весь из себя блестящий да благородный, а на деле пожестче Ван Цзыфэна будет!

Тан Шэнь тихо пробормотал:

— Мой старший соученик, пожалуй, пожестче будет...

Ли Цзиндэ не расслышал:

— Что ты сказал?

Тан Шэнь проговорил:

— Генерал проницателен и замечает мельчайшие детали, подчиненный будет осторожен.

Ли Цзиндэ махнул рукой:

— Да так, к слову пришлось. Просто ты мне по душе, не то что эти гражданские чинуши, у которых одно коварство на уме.

Вскоре Ли Цзиндэ вернулся в военный лагерь Ючжоу, а Тан Шэнь откланялся и ушел.

Проводя взглядом Ли Цзиндэ, уносившегося прочь на скакуне, Тан Шэнь спрятал руку в рукав и слегка погладил жетон. На душе у него было беспокойно от нахлынувших чувств.

«Сможет ли Су Вэньюнь сравниться с моим старшим соучеником?»

В те годы Су Вэньюнь был действительно еще слишком неопытен, раз сумел зайти так далеко,

что Ли Цзиндэ его запомнил. Будь на его месте старший соученик, тот бы с улыбкой на лице отправил человека на тот свет, да еще так, что Ли Цзиндэ, вполне возможно, с глубокой благодарностью принес бы ему памятное знамя!

Однако пообщавшись с Ли Цзиндэ, Тан Шэнь ощутил первые плоды спектакля, разыгранного им вместе с Су Вэньюнем.

Вчера на пиру в управе Ючжоу Тан Шэнь и Су Вэньюнь на глазах у всех превратились во врагов. Пусть это происшествие и не всколыхнуло весь город, оно совершенно точно дошло до ушей тех нескольких человек, которым надлежало знать. Включая Ли Цзиндэ.

Имея такой предлог, Тан Шэнь и Су Вэньюнь отныне получали оправдание для множества действий. К тому же они могли прикрывать друг друга, не вызывая ни у кого ни малейших подозрений.

Эта роль не подошла бы никому другому — только Тан Шэню и Су Вэньюню. Ведь многие чиновники знали, что три года назад из-за обрушения моста в Цычжоу Су Вэньюнь и Тан Шэнь затаили друг на друга обиду, и все эти годы их отношения оставались натянутыми. На таком фоне их крупная ссора выглядела абсолютно естественной и логичной.

Тан Шэнь невольно задумался: когда Чжао Фу отправлял его вместе с Су Вэньюнем на это задание, просчитал ли он все это заранее?

Если Чжао Фу и впрямь предусмотрел подобное, то он просто пугающе проницателен.

Проведя в городе Ючжоу несколько дней в приготовлениях, шестого числа четвертой луны глава Приказа серебряных ассигнаций Линь Сюй прибыл к Тан Шэню вместе с несколькими людьми. Приведя их на постоянный двор, Линь Сюй сначала оставил сопровождающих у привратника, а сам наедине предстал перед Тан Шэнем:

— Подчиненный приветствует императорского посланника. Вчера во второй половине дня из Шэнцзиня пришло письмо от Ван Цюаня. Дело, указанное в письме, ваш подчиненный уже уладил. Люди, которых я привел сегодня, абсолютно надежны. Не желает ли господин увидеть их?

— Заведи их, посмотрим.

Линь Сюй быстро ввел людей в комнату.

Всего он привел четырех человек — мужчин среднего возраста. Двое из них были широкоплечими, с дородной осанкой богачей, привыкших к долгим годам роскоши. Другие двое были поджарыми, но подтянутыми и румяными, что тоже говорило об их весьма зажиточной жизни. Все четверо выглядели как купцы, однако при виде Тан Шэня в них не проскальзывало обычной купеческой робости перед высоким чином. Они лишь полупоклонились, опустив головы, и встали в стороне — словно давно привыкли и четко знали, чего делать не следует и чего слушанию не подлежит.

Тан Шэнь внимательно осмотрел всю четверку, и в конце концов его взгляд остановился на низкорослом худом мужчине. У этого жилистого человека среднего возраста были резкие черты лица, отдаленно напоминавшие Ли Цзиндэ — хотя в них и не текло крови народа Ляо, оба внешне слегка походили на уроженцев Ляо. Мужчина опустил руки перед собой и стоял с исполненным почтения видом.

Заметив, что Тан Шэнь разглядывает именно его, Линь Сюй тут же добавил:

— Человек, рекомендованный Ван Цюанем, как раз он.

<http://bllate.org/book/18292/1757344>